

Г.А. ТАШПЕКОВ

ЖИЗНЬ КРЕСТЬЯНСТВА 30-х ГОДОВ В СВЕТЕ ДЕРЕВЕНСКИХ ЧАСТУШЕК

ТАШПЕКОВ Геннадий Александрович - кандидат исторических наук, докторант Саратовского государственного университета.

В тридцатые годы в СССР, с одной стороны, ломались вековые устои крестьянской жизни, а с другой стороны, страна бурно развивала промышленность, в народе насаждался энтузиазм в отношении достижения "светлых" целей. Истинные же народные представления во многих случаях не фиксировались в документах. Поэтому изучить внутренний мир людей деревни того времени - задача предельно сложная. В последнее время ее решение в какой-то мере облегчает доступ к информации о политических настроениях советских людей, которую регулярно собирали в те годы органы НКВД. Их доклады свидетельствуют, например, что критический настрой и политический нигилизм достаточно широко распространились в обществе.

Исторические эпохи находят отражение в народном творчестве, например, в частушках¹. При этом деревенские частушки были гораздо более распространены, чем городские. К ним мы и обратимся с целью изучить отношение крестьян к своей жизни в 30-х годах. Авторство многих частушек - традиционно коротких четверостиший, которые передавались в основном устно и лишь иногда записывались, - установить практически невозможно. Некоторые из них, откровенно пропагандирующие позитивный образ советского общества, несомненно, создавались под влиянием официальной пропаганды. Подлинно народные частушки обнаруживают боль и отчаяние крестьян, часть которых лишили собственности, депортировали во время раскулачивания, или отражают их обреченную подчиненность трагической судьбе.

Объективности ради следует отметить, что, с точки зрения социальной психологии, процесс коллективизации не был однозначным. На начальном этапе коллективизации крестьян

убеждали в преимуществах коллективного труда: механизации производства, защищенности, в какой-то мере, от капризов природы:

Плугом мучаешь скотину,
Горбишь спину, а не сыт,
А в колхозе мы машину
Купим в складчину, в кредит².

Стороны природы крестьянина - собственник и труженик - составляют диалектическое единство. Реальный собственник предполагает в крестьянине труженика, а труженик - реального собственника. Перестав быть индивидуальным собственником и не превратившись в реального коллективного собственника, крестьяне утрачивали интерес к труду:

Бригадир дает звонок,
Я гляжу в окошко.
Бригадира не видать,
Полежу немножко.

С 1930 г. было положено начало отчуждению крестьянина от средств производства и результатов труда, что повлекло за собой дальнейшую утрату чувства хозяина, рост апатии и пессимизма. Оказавшись бесправным, крестьянин, главной обязанностью которого являлся каждодневный многочасовой труд на полях и выполнение "первой заповеди" - сдачи хлеба государству - тем более не был заинтересован в колхозном производстве, в сохранении и приумножении общественного достояния. Пропаганда коллективизма, насаждаемого официальной идеологией, не всегда соотносилась с жизненными реалиями. В основе коллективизма лежит общественная собственность. Если собственность отчуждена, члены "коллектива" не имеют общего интереса, а если имеют, то он не совпадает с интересами собственника, т.е. государства. Интерес крестьянина по отношению к общественной собственности приобретает негативный характер, выражающийся в принципе: поменьше сделать - побольше получить. Однако многие годы сельчанин от общественного хозяйства практически ничего не получал.

Официальная аграрная политика в известной мере опиралась на распространенные среди части крестьянства уравнивательные тенденции. Примером беспощадности уравнивательной стихии является кампания по уничтожению "кулака" как класса. Списки кулацких хозяйств вместе с уполномоченными райисполкомов составляли сельские Советы, в состав которых входило в основном малоимущее крестьянство. Члены Советов, а также батрацко-бедняцкие группы стремились расширить круг хозяйств, подлежащих раскулачиванию, ибо конфискованное у "кулаков" имущество передавалось в неделимые фонды колхозов, а нередко и распределялось среди бедноты. Побудительными мотивами действий выступали нередко такие низменные чувства, как зависть и жадность. Характерные частушки, несущие след уравнивательной тенденции, сохраняются в народной памяти в течение уже семидесяти лет:

Эх, яблочко
огородное!
Прижимай кулаков -
Все народное!

В классовой борьбе происходила ломка сознания крестьянина. Выработывалась неприязнь к богатым и богатству вообще. Самыми жестокими мерами вытравлялось само стремление к зажиточной жизни. Властвующая верхушка осуществляла деятельность по разобщению сельского сообщества, утверждению в нем атмосферы вражды и насилия:

Враг-вражина,
Куркуль-кулачина
Кору жрет,
Вошей бьет,
С куркулихой гуляет -
Ветром шатает.

В российской деревне культивировались подозрительность и нетерпимость, формировались социально-психологические предпосылки политического экстремизма, произвола и насилия.

Крестьяне были поставлены перед неизбежностью утраты самого себя как хозяина, отчуждения от земли. Продолжавшие единолично вести хозяйство жили в постоянном страхе причисления к "кулакам", на них усиливалось финансово-налоговое давление. И в перспективе им оставалось либо уйти в город, либо "записаться" в колхоз:

Я надену красно платье
И пойду на сенокос.
Все равно единоличники
Запишутся в колхоз.

В 30-е годы сверху стимулировалась традиционная черта российского крестьянства - диаметрально противоположное отношение к местной и высшей властям. В массовом сознании ответственность за те или иные безобразия должны были нести местные власти, с центральными инстанциями связывалось общее представление о "справедливой народной власти", ее мудрости. Но и реальные бесправие, некомпетентность и злоупотребления местных властей поневоле заставляли население искать выход во вмешательстве извне:

Председателя колхоза
Уважай и уважай.
Жито вынесли в кармане,
А сказал - неурожай!
Бригадир идет по полю,
Начинает брать тоска.
Он намеряет, да мало -
Вот и черная доска³.

Одной из ключевых черт крестьянской психологии являлась тенденция к персонификации власти. Генезис этого социально-психологического феномена определялся как традиционными представлениями, глубинными, "монархическими ментальностями" ("Сталин-царь"), так и особенностями психологии крестьянства того времени. На протяжении рассматриваемого периода официальный "культ Сталина" превращается в один из ведущих элементов массового сознания деревенских жителей, да и не только их. Он активно использовался властью имущими для оправдания антинародной политики, способствовал укоренению штампов официальной идеологии в массовой психологии сельчан:

Жить зажиточно в колхозе -
Это дело наших рук.
Так сказал товарищ Сталин,
Наш любимый вождь и друг.

Идеология подменяла собой извечные нравственные ценности российских крестьян - уважение к труду, к нажитому честным трудом имуществу. Частушки отражают и печальную практику налогообложения, когда крестьянские хозяйства, не имея для этого возможности, обязаны были платить всевозможные налоги государству. Однако у людей хватало сил переосмыслить данную ситуацию юмористически, хотя юмор и невеселый. Особенно популярна тема сдачи налога куриными яйцами:

Нет у бабы курицы.
Пришла баба с улицы,
Села баба на гнездо -
Снести родному яйцу.
День сидела, два сидела.
А на третий улетела.
Больше бабу не видали,
Дюже много бабе дали.

Множество частушек связано с трагическими событиями 1932—1933 гг., когда значительная часть крестьян Нижневолжья голодала:

Рожь, пшеницу отправили за границу,
А цыганку-лебеду - колхозникам на еду.
Дранку, барду, кукурузу - Советскому Союзу.
А рожь, пшеницу отправили за границу.

При этом за пение некоторых частушек вполне можно было "заработать" тюремное заключение:

Был Николай хоть дурачок,
Да фунтовая французская булка —
Была пятачок.
А когда стал Совет,
То ни черта нет.

Между положением дел и тем, что провозглашала государственная идеология, существовала пропасть. Голодные 1932-1933 гг. легче пережили отдельные еще сохранившиеся к этому времени единоличники крестьянские хозяйства, нежели колхозники:

Единоличник гуляет по селу,
Полю раздуваются.
Колхозник-то наш
К смерти собирается.

Официальная пропаганда не упоминала о крестьянской трагедии. Так, в сборнике "Саратовские частушки" можно обнаружить следующее:

Нас не душат недороды,
Нищета нас не гнетет.
А в колхозе кто не лодырь,
Всяк зажиточно живет.
Убивалась раньше мать -
Негде хлебушка достать.
А теперь горюет мать -
Куда хлеб будем девать?

И все же эти годы не оставались беспросветными. В деревне появилась техника, выросло число грамотных и квалифицированных людей:

Ты, подружка, не гордись,
Что твой милый тракторист.
Мой миленок выше -
Агроном наш Гриша.

В том числе и женщин:

Милый месяц, смейся в выси,
Лей на крыши синий свет,
Ныне женщина в колхозе -
Полноправный человек.

При этом последним приходилось взваливать на свои плечи двойную ношу: семейная женщина наравне с мужчинами работала в колхозе и выполняла основную часть домашнего труда. Колхозницам не предоставляли оплачиваемых отпусков по беременности и родам. Народные частушки демонстрируют реалии гендерного распределения руководящих постов в колхозах:

Бабы сеют и боронят,
Огороды городят.
Мужики сидят в правленье,
Папиросами чадят.

Позитивные изменения произошли в культурно-бытовом плане. Было проведено электричество, налажено радио- и киновещание, построены школы, клубы и т.д.⁴:

Как в колхозы мы взошли,
Новый быт построили,
Клубы, ясли завели,
Бани и столовые.

Форсированная насильственная коллективизация сопровождалась наступлением на все конфессии и, по существу, закончилась разгромом церкви - векового института сельской общины:

Отец гонит самогон,
Чтоб залить кручину.
Сенька бросил все иконы
В щепки и лучины.

В целом, крестьяне, видимо, негативно относились к "революции сверху" в деревне и к реалиям колхозной жизни:

Колхоз, колхоз
Не забуду сроду:
Пятилетку выполняли
Мы в четыре года.
Или:
Мы в колхозе работали,
Где же наши трудовни?
У коров хвосты крутили:
Пятилетке помогли.

Традиционная сельская культура, постепенно вытесняемая в процессе коллективизации и колхозного культурного строительства (что сопровождалось изменением статуса части крестьян), несла в себе множество светлых сторон, определявших нравственный облик деревни, нравственный облик крестьянина, в котором сочетался труженик, с одной стороны, и собственник - с другой. Нам это сочетание представляется в какой-то степени идеальным в том смысле, что оно предопределяло отношение к труду как источнику благосостояния и благосостоянию как к результату честного труда. При этом реальный крестьянский мир за многовековую историю буквально "пророс насквозь мифами, сказками, приметам, песнями"⁵, и вторжение в него классово зашоренной идеологии, по сути, означало его гибель. *Но существенной формой самовыражения народа в советское время в основной своей массе являлись частушки*, отражавшие взгляды и настроения, которые в крайне неоднозначной обстановке того времени было невозможно или очень трудно выразить в какой-либо иной форме.

Насколько широко распространялись подобные частушки, неизвестно. Во всяком случае, органы НКВД, имевшие куда больше возможностей собирать информацию, чем нынешние историки, постоянно фиксировали народные анекдоты и частушки. Последние свидетельствовали: в мыслях советского народа искаженный официальный образ действительности — "жить стало лучше, жить стало веселее" (который оформлялся в "официальных" частушках) - высмеивался и отвергался. Однако все формы самовыражения, кроме соответствующей официальной, ставились вне закона. Народные настроения лишь по мере обострения ситуации в стране приближались к потенциально "подрывным".

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Частушки, приводимые в статье, собраны автором совместно с сотрудниками Саратовской государственной сельхозакадемии в селах Волгоградской, Пензенской и Саратовской областей.

² Обеспечение села техникой прошло в 30-50-е годы не одновременно. *Примеч. ред.*

³ Занесение колхозников на "черную доску" могло вести к репрессивным мерам по отношению к ним: прекращению продажи товаров в магазинах, досрочному взысканию сельхозналога, незачету трудовой и т.д.

⁴ Зачастую вновь вводимые объекты являлись весьма примитивными. Так, электроснабжение порой осуществлялось от электростанций, устроенных на прудах, радиовещание - от электрических батарей. Ясли могли представлять собой просто избу, одна половина которой использовалась для приготовления пищи, в другой дети играли и спали. Воспитателями ставили престарелых женщин, не способных работать физически. Речь о их педагогической подготовке, конечно, не шла. — *Примеч. ред.*

⁵ *Клюев И.А.* Стихотворения и поэмы. Архангельск, 1986. С. 14.